

Свет неровными бликами стелется по полу. Шумно, очень шумно. Меня радует шум. Значит, скоро я подкормлюсь немного. Энергетикой зрителей. Как вампир свежей кровью. В ночном клубе переодеваюсь в туалете. Не привыкать. Могу и в зрительном зале, превратив переодевание в часть представления. Стягиваю платье, из сумки достаю изрезанные легинсы, короткую развевающуюся юбку, обтягивающий топ, на шее застёгиваю колье из цепочек и булавок. Приглашаю волосы. Почти чёрные от природы, подстриженные в декадентское каре с короткой чёлкой, едва доходящей до середины лба. Однажды мне сказали, что у меня внешность монашки и развратницы. Так и есть. Но есть во мне что-то французское. Даже не что-то, много чего. Сознательно дополненный деталями образ. Нечто — вроде и строгое, но есть в этом доля разврата, интриги, затаённой сексуальности. Сексуальность, не бывающая через край, а внутренняя, тихая. Как говорят, словно магнит внутри. Подвела брови, сделала подводку, накрасила ресницы. Сбрызнула лицо водой, присыпала белой пудрой. Точно также присыпала плечи. Оставшийся на лопатке след от плётки почти не заметен.

Неискущённый зритель оставит его без внимания. Понимающий... кто знает. Редко кто принимает меня за нижнюю. Слишком значительная разница. Всегда такая стервозная, жёсткая, циничная, порой разговаривающая матом, и только иногда — мягкая, нежная, прячущая взгляд, краснеющая. Да, да, краснеющая, даже при разговоре о сексе. Вот уж думала, что избавилась давно от этой дурацкой привычки. Школьной привычки, когда краснела, стоило кому-то похвалить меня. Сейчас меня хвалят редко. Сегодня снова хвалить будет не за что. Без подготовки, чистая импровизация. Значит, могла бы лучше. Хорошо, что тема известна. Да и зал знаком. Выхожу и присаживаюсь на ступеньку, подтянув ногу к груди. Вглядываюсь в лица зрителей. Будущих зрителей, ведь спектакль ещё не начался. Не разбегутся, редко, кто уходит. Я привыкла. Я могу позволить себе несовершенство, быть некрасивой, даже уродливой. Когда-то я перестала гнаться за эстетикой. Когда-то она стала мне безразлична. Куда ж она денется? Опыт многих лет. Будь у меня желание станцевать ужасающий, выворачивающий в своей непривлекательности танец смерти, всё равно эстетика проскользнёт в каждой позе.

Это уже можно назвать мастерством. И мне хорошо от этого. Свободно, потому что застрахована от провала. На сцене уже танцуют. Минуты через две можно будет выйти. Почувствую, когда уже можно. Встаю и начинаю движение. До сцены метров 10, я меняю местами зрительный зал и сцену. Теперь у нас два действия разворачиваются одновременно. На сцене и там, где я. Ускоряюсь и внезапно замираю у одного из столиков. Впиваюсь взглядом в пару, сначала ей в глаза. Люблю женские глаза. Женщины очень трогательны, влюбляются не хуже мужчин. Мне иногда кажется, что женщины бисексуальны по своей природе. Мужчины более холодны, отстранённы и страшны лишь тогда, когда не боятся быть застигнуты врасплох. Женщины охотнее отвечают на сигналы, их проще обольстить. Хотя нет, с ними можно бесконечно долго играть в игру-обольщение. Флirt, лёгкий или затягивающий, как болотный ил. Им доступно больше полутонов и оттенков. Мужчины примитивны и действуют напролом. Женщины живут на нюансах, они мастера балансирования на нюансах. Женские глаза манят меня сильнее мужских. Их нужно обольщать. Если приходит пара, главной всё равно является женщина. Понравится ей —

понравится паре. Мужчины скучны. Глянул — уже твой. Мне в какой-то момент надоело их коллекционировать. Как бабочек. Женщины утончёны. Их обольстить сложнее.

И это всё пронеслось в голове, пока я вглядывалась в глаза парочке? Удивительная всё-таки штука время. То летит, то тянется. Мне иногда кажется, что у него две шкалы. Одна словно свёрнута внутри другой. Время может нестись, но каждое мгновение помнишь настолько многогранно, что, взглянувши, понимаешь, что оно не неслось. Оно тянулось с черепашьей скоростью. И было в нём столько, что, даже вспоминая, проживаешь дольше. Задержалась я здесь, хватит... перемещаюсь к другому столику.

Что же мы тут делаем без спутницы? Словно молнией пронизывает меня взгляд. Я чуть не теряю свою маску или истинное лицо. Я уже не помню, что из них моё, истинное. Несколько мгновений растерянности, он ставит бокал на стол и задумчиво смотрит на меня. Отступать поздно. Ищу его глаза и впиваюсь в них взглядом — и словно нет прошлых нескольких лет жизни. Нет, не узнал. Узнать меня невозможно. Изменилась. Внутри... снаружи. Сколько раз замечала, стоит измениться чему-то внутри, и человек становится неузнаваем. Меня перестали узнавать давно. Иногда что-то щёлкает, и снова меня перестают узнавать. Я уже привыкла к этому. Смотришь? Ничего, посмотри. Ты ещё не знаешь, что сейчас происходит. Привязываешься. Я настраиваюсь на тебя. Заинтересовался? Неплохо. Поиграем. Но играть будем по моим правилам. По чужим я не играю. Больше не играю. У меня уже давно другое имя. Вторая кожа, потому что первой уже нет. Потрескалась, истёрлась, сползла когда-то, обнажив душу, оставляя кровавые следы, пока не наросла новая, закрывая собой истерзанное нутро от посторонних взглядов. От близких взглядов, внезапно ставших чужими. Нехотя отрываюсь от твоих глаз, бегло вглядываюсь в сидящих за другими столиками, но ты словно выпил мою душу.

Мой выход, уже настоящий, на сцене. Танцую. Танец смерти. Буто. Свою интерпретацию. Когда-то стал он очень близок моей израненной душе. Каждый танцует свой танец. Кожей чувствую глаза зрителей. И отдельно — твой обжигающий взгляд. Мне тяжело танцевать перед значимыми людьми. Я легко танцую перед незнакомыми, и меня это заводит. Но перед значимыми — планка слишком высока. Заканчиваю танец. Вывернутая поза. Я умею держать паузы. Паузы притягивают внимание. Во время них я вглядываюсь в чье-то лицо, и, словно все зрители смотрят на меня этими глазами напротив.

Переодеваюсь, скидываю одежду. Жаль, нет душа, чтобы смыть с себя чужие взгляды. Как могу, снимаю косметику, брызгаю ледяной водой в лицо. Прихожу в себя, натягишаю лицо стервы. Кто-то говорит маску. Я натягишаю лица. Они давно стали моими. Значит, лица. И пусть их много. Родные, живые, мои. Натягишаю на себя мисс отстранённость.

Выхожу в зал. Прячусь за бокалом кальвадоса, прошу принести пепельницу. Для таких случаев я ношу в сумочке сигару, чтобы спрятаться за пеленой дыма, за паузы, которые я могу брать, не боясь показаться застигнутой врасплох. В сумке всегда валяется гильотинка, отрезающая крайнюю плоть сигары. Романтично... до дрожи. Приносят пепельницу, раскуриваю сигару. Даю интервью. Громко сказано, на самом деле, видеоролик, банальный стёб, чтобы выложить в соцсетях и собирать лайки. В стиле звезды, которой всё надоело. Меня попросили. Мне всё равно, в каком стиле. Хоть в стиле жены миллиона, случайно забредшей на восточный базар. Кем я только не побывала в своей прежней жизни. Я часто говорю, что у меня много историй, но нет ни одной, которую я могу рассказать здесь. Теперь я одна, хотя нет, нас трое — я, кальвадос и сигара. Никакой борьбы

противоположностей. Тандем, всё окутано сигарным дымом и ароматом, заставляющим окружающих принюхиваться. Увидев возмутителя спокойствия в моём лице, улыбаются и возвращаются к прерванным разговорам.

Откуда-то появляешься ты. Думала, уже ушёл. Садишься ко мне за столик и смотришь. Нервничаю. Не люблю пристальные взгляды. Такое ощущение, что в этот момент я теряю нитку, превращаюсь из кукловода в ведомую куклу. Я отвыкла от этого чувства. Официанты не жалуют наш уголок. Смертельно хочется кофе, и ты уходишь, чтобы лично увидеть ускользающую фею с подносом. Нутром чувствую, как ты возвращаешься, останавливаясь за мной. Я всегда чувствовала тебя, даже на расстоянии. Не обворачиваюсь. И вдруг ты прикасаешься к тонким полоскам, пересекающим мою лопатку, проводишь по ним пальцами. В этот момент вся моя защита клоками сползает вниз, обнажая мою слабость и беззащитность. Ненавижу быть слабой. Ненавижу собственную беззащитность. В такие мгновения превращаюсь из мерзкой стервы в игрушку. Милую, нежную, безропотную, которую так легко сломать. Мне хочется крикнуть: «Уберите руки», но слова застревают в горле. Хочется сбежать, сжаться в уголочке и плакать. Потому что броситься к Вам означает моё поражение. Я и не заметила, когда перешла на Вы, ведя мысленный диалог. Вы прикасаетесь к следам губами и слегка царапаете кожу щетиной. Жестковато, хотя она такая мягкая. Я делаю большой глоток кальвадоса, напиток обжигает горло, горячим комком проваливается вниз, слишком сильно затягиваюсь сигарой, кашляю, слёзы выступают у меня на глазах. Сигарный дым окутывает столик. Морщитесь. Знаю, не любите, не терпите. Я люблю. Сигары — тот милый юношеский эпатаж. Сейчас играю сильнее и жёстче. А это — родом оттуда. Из того времени, когда я ходила в казино, довольно-таки неплохо играла в покер, курила сигары. А бывший муж с любовью выводил свою игрушку — меня. Сейчас я курю, чтобы вспомнить, что я всё-таки стала чуть сильнее после той сессии, когда тот, другой курил сигару, играл на моём страхе и обжигающим пеплом касался моей груди. Не больно. Чувствительно, обжигающе и дико страшно. Потому что это чужие руки, так и не ставшие родными. Я отдавалась на милость победителю или моему кукловоду. Тогда. Потому что через час он помогал мне одеваться, открывал дверцу машины, чтобы я, не дай Бог, не сломала ноготь и не испачкала свои ручки.

Вы, уже только Вы берёте сигару из моих рук и кладёте на край пепельницы, отставляете её. Дотянуться я могу, только это будет уже не по правилам. Я и не заметила, как игра пошла не по моим правилам. Снова краснею, отвожу взгляд, смущаюсь. Куда-то подевалась моя отстранённость. Вы всё-таки узнали меня. Узнали сразу. Только я наивно полагала, что нет. А мне предательски хочется сбежать, потому что я ненавижу себя уязвимую, слабую. Даже во время встреч с садистами я остаюсь сильной. Это просто сессия. На время. Она не затрагивает моих чувств. Только эмоции, удовольствие от боли, наслаждение от впивающейся в тело плётки. После сессии я пью чай и возвращаюсь к себе, я — снова я. Жесткая и циничная, насмешливая. А здесь... Под Вашим взглядом я превращаюсь в маленькую девочку. И никаких сессий для этого не нужно. Достаточно того, что я сижу напротив, нет никаких сил и желания возражать попусту. Ненавижу себя за это... ненавижу Вас... ненавижу тот момент, когда я додумалась просто впиться в Ваши глаза взглядом.

Мы разговариваем, а я знаю, что Вы считываете каждый мой взгляд, каждый жест. Всё помните, отмечаете детали — как я посмотрела, отвела взгляд, улыбнулась. Вы так внимательны до мелочей. Всем нравятся мои глаза, ноги, фигура. Вам — мои руки. Не знаю,

почему. Порой я слишком активно жестикулирую. Несколько необычно. Но мне кажется, дело в другом. В моих прикосновениях, даже через одежду. Я ведь очень телесный человек. Люблю прикасаться к людям, и когда они прикасаются ко мне. Больше мы не играем по моим правилам.

— Сейчас я открою машину. Пока буду оплачивать счёт, ты сядешь на заднее сиденье и снимешь платье. Не бойся, стёкла затонированы.

Решили, что отсутствие тонировки меня испугает? Смутить решили. Поиграем... Сажусь на заднее сиденье. Вижу освещённую улицу и редкие проезжающие автомобили. Моё тело давно стало каким-то общественным. Слишком часто я появляюсь на сцене, слишком много глаз скользили по нему. Развязываю поясок на платье, стягиваю его. Остаюсь в одних чулках. На поясе. Такой подарок в мою копилку от бывшего. Попросил приезжать на встречи без белья. Так и появились чулки. На поясе, потому что хочется прикрыть чуть больше тела, сохранить интригу. Уже потом вспомнила, что первый поясок появился в моей жизни ещё лет в двадцать, когда я начала танцевать на сцене. Моя нелюбовь к нижнему белью появилась ещё раньше. Мне нравилась свобода, оно казалось мне сдерживающим её. Так и пошло-поехало. Красивые комплекты появлялись на моих полках, когда я меняла очередного любовника. Теперь, если там нет пояска для чулок, никогда не куплю. Кожа тут же покрывается мурашками, думаю не от холода. Прохладная кожа сиденья охлаждает мою кожу. Закидываю нога на ногу. Просто жду. Минут через пять подходит он стремительной походкой. Садится рядом. Смотрит оценивающе. Странно, так глупо выходит. Я впервые сижу перед ним голой. Он впервые видит меня голой и в такой ситуации.

Откидываюсь на сиденье, холодно и презрительно смотрю прямо ему в глаза. У меня свои счёты. Честно, до ужаса хочется его убить. Или высказать всё, за что я его ненавижу. Ненавижу ведь до сих пор, никуда это не уходит. И не уйдёт. А сказать не могу. Не имею права. Как же, я женщина, да ещё нижняя. Но ненавидеть это не мешает. Даже его, того, которого когда-то считала почти богом. А ведь я сейчас сознательно провоцирую его. Знаю, что ничего не сделает, а я уйду. Теперь уже я сделаю ему больно. Я привыкла к боли. Когда-то она уже сожгла меня изнутри, теперь я испепеляю других. Мужчин. И он просто попадает сейчас под раздачу. Я хочу, безумно хочу, чтобы он прочувствовал хотя бы отголоски моей боли.

— Какая ты красивая, — его рука медленно скользит по чулку, ползёт по самой кромке, нежно прикасается к коже. Внезапно я вдыхаю слишком заметно. Только сейчас понимаю, что не дышала, из-под полузакрытых глаз наблюдаю за его движениями. Стараюсь дышать, чтобы не выдать моего возбуждения. Я люблю его пальцы. Длинные, немного аристократичные. Не люблю это слово. А ещё сравнение с пальцами пианиста. Изящные? Тоже не нравится. Хотя так оно и есть. Но изящество — типично женская черта. У женщин могут быть изящная фигура, руки, пальчики. У мужчин — или брутальные, или... средние? Нет, самые удивительные, необычные. Как у него. Даже не представляю, как они могут причинить боль. Чуткие, руки музыканта, способные играть на женском теле и извлекать свою собственную мелодию, сотканную из вскриков, боли и стонов наслаждения. Могут, но не на моём. А вот в душе кровавые раны оставить может, и не мне одной.

С трудомдерживаю мысль, что должна помнить о мести. Я сильная, я должна помнить о том, что я сильная. Да, действительно сильная, только сижу голой задницей на серой коже сиденья, дерзко смотрю на него, пока его рука по-хозяйски ставит метки на моём теле.

Предательском теле. Мысленно повторяю: «Только помнить о мести, о том, что я больше не позволю почти раздавить меня. Плакать, копаться в себе, искать подтверждение своей вины в том, что мы не вместе. Нет, больше нет. Ни за что. Никогда»

— Всё сделали? Я замёрзла, и вообще мне надоело сидеть здесь. В конце концов, я устала. И даже хочу спать, — почти без пауз на одном дыхании выпалила я.

— Тебя отвезти?

— Не надо. Я сама себя довезу. Увиделись и всё. Всё, как и должно было быть. Разве Вы ещё что-то хотите? Вам это зачем? Тупо трахнуть? Или снова дружбы захотели? Сломать?

Испортить? Посмотреть, что у меня внутри? Так у меня там уже и не осталось ничего. Что Вам ещё от меня нужно? Уже истерю, голос срываеться, слёзы щиплют глаза, только бы не заметил. Заметил ведь. Моё состояние. Я всегда отвратительно плачу — у меня краснеет кончик носа. Поэтому никогда не реву при свидетелях. Рывком натягиваю платье, хватаю сумочку... Чёрт, дверь заблокирована. — Пожалуйста, откройте дверь. Очень прошу Вас. Только качает головой. Садится за руль, я так и не посмела выскользнуть из машины. Или не захотела. Он всегда так действует на меня. Редкие мужчины действуют на меня так. Замираю, внутри бушует, переворачивается, сметает, а я сижу, замерев, оцепенев, уставившись, как удав на кролика. — Куда ехать? Можешь выбрать — к тебе или ко мне. — Я к себе не приглашаю, — поняла, что сказала глупость, снова покраснела.

Я думала, что уже избавилась от этой досадной привычки. Не люблю быть застигнутой врасплох. А это — моя слабость. Я давно научилась цинично говорить о сексе. Глядя в глаза. Могу сама лекцию прочитать, как трахать женщину, да и по доминированию сколько угодно. Только вот сейчас мне стыдно, как девственнице, которую по ночам посещают крамольные мысли.

— Значит, ко мне.

Мысли, мысли, мои мысли... За меня снова всё решили, не спросив моего мнения. Вообще. Не поинтересовавшись, что и как. Может, я вообще не хочу его видеть. Постель — вообще-то не повод для знакомства. Равно как и раздевание в машине. Это — всего лишь раздевание. Я иногда купаюсь голой. Чем же это отличается? Хотя отличается... пристальнотью внимания, взгляда. Вспыхиваю, покрываюсь испариной, кожа покрывается мурашками, как от холода. Мне и холодно, и жарко одновременно. Может, сейчас я хочу побывать одной. Вообще одной. Под жёлтыми фонарями, вслушиваясь в последний звонок трамвая, впитывая кожей прохладный влажный ночной воздух. Я не хочу никого видеть. Слёзы снова наворачиваются на глаза. Слёзы — не то время, когда я хочу видеть зрителей.

Дёргаю за ручку дверцы и выскакиваю наружу. Ускользаю. Я так привыкла это делать. Обычно на расстоянии, в переписке. Не пишу, не беру трубку телефона. Но никогда вот так, из машины. От почти любимого человека. Когда-то. Он не успел заблокировать дверь. А мне досадно, что на этом всё так и кончится. Одиночество, как всегда окутывает меня. На шпильках почти бегу по тротуару. Спиной чувствую его взгляд. И только. Ни шороха шин, ни звука его голоса. Ничего. Я снова ускользнула. Замедлилась, спешить уже некуда, сворачиваю в первый проулок между домами, ныряю в арку. () Приземляюсь на первую попавшуюся скамейку. Мне сейчас нужно побывать одной, впитать каждой клеточкой одиночество, раствориться в нём. Что ж за моя извечная тяга к исчезновению от тех, кого я люблю или почти люблю? Тяга к качелям. То вверх, то вниз. Страх боли. Я ведь действительно не доверяю никому, даже себе. Я просто боюсь, что опять буду страдать много, долго, упиваться

вином и таблетками, лишь бы снять эту боль. Почувствовать себя хотя бы мёртвой. Потому что мёртвым не больно. Больно живым. Я живая, я испытываю боль всегда. Но научилась выплывать из неё. Научилась жить на расстоянии вытянутой руки, чтобы не было больно. Научилась не любить. Почти научилась...

Слёзы катятся из моих глаз. Тёмная ночь окутала меня, обняла меня своим влажным дыханием, небо смотрит на меня мириадами мигающих звёзд, молчаливых свидетелей, поддерживающих меня в моём одиночестве. Вытащила плеер, нашла свою мелодию, под которую люблю танцевать. У меня и предпочтения странные. Я ведь танцую под Грига, Вагнера, Наймана, Металлику, Парк Горького... и под эту чудную эпическую мелодию. Нервная, тревожная музыка течёт в одном ритме с моей кровью. Закрываю глаза. Одиночество пронизывает насквозь, когтями забирается под кожу. Тонкая грань, отделяющая меня от реальности, становится проницаемой, и я уже не я, я проникаю в звёзды, растворяясь в их сверкающих глазах, ночном ветре, моей мелодии.

Вздрогнула, ощущив как мягкая замша, хранящая остатки тепла его тела, коснулась моих плеч. Вынырнула. Только сейчас поняла, что замёрзла, продрогла, безмерно устала, что очень хочу очутиться под тёплым пледом где угодно, пусть даже на полу. Но только, чтобы он сгрёб меня в охапку, прижал спиной к своей груди, очень крепко и тесно, так, чтобы не вырваться, не убежать. Провёл пальцем по моей щеке, стирая набежавшие слёзы. Плачу, хотя так не хотела этого.

— Так и будешь убегать до бесконечности?

— Так и буду. Наверное.

— Зачем?

— Я уже не могу по-другому. Я привыкла уходить первой. Не так больно.

— Тебе и сейчас не больно? И ты плачешь потому, что тебе совсем не больно?

— Не знаю.

— Знаешь... Может, останешься. И не убежишь. На этот раз. Дасть мне хотя бы один шанс. Нам дашь шанс...

Бесконечно долго жду. Что-что, а паузы я держать умею. А сейчас я ловлю себя на том, что мне сложно говорить правду, трудно сказать о своих страхах и переживаниях. Слишком давно я не позволяла себе делать этого. Да и не мужчинам же об этом говорить...

— Мне, правда, когда-то стало сложно доверять мужчинам. Сложно доверять Вам. Почему-то сложно и страшно. Я боюсь боли.

— Боишься Темы со мной? Я не буду заниматься этим, если я не почувствую твоего желания.

— Нет, — широко улыбнулась. Я всегда улыбаюсь, когда речь идёт о Теме. Смущаюсь, краснею и отвожу взгляд.

— Этого я не боюсь. Я боюсь боли в отношениях. Мне очень сложно держаться с Вами на расстоянии вытянутой руки.

— Разве я просил тебя об этом? Только покачала головой, устало глядя ему в глаза. Я всегда гляжу в глаза любимых, словно этот раз — последний. Слишком часто это было так.

— Поехали. Я отвезу тебя домой. Кивнула. Разочарована. Бросила быстрый умоляющий взгляд.

— К себе домой. Чтобы ты не наделала каких-нибудь глупостей.

— Хорошо, — чуть слышно выдохнула я, боясь спугнуть удачу и возможность побывать ещё немного рядом. Пятнадцать минут, час, проснуться вместе.